

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.048
УДК 94(470.5)“1917/19” +
+ 070.22:821.161-1 + 82.091

И. Е. Васильев

1) *Уральский федеральный университет*
2) *Институт истории и археологии УрО РАН*
Екатеринбург, Россия

ТОПИКА И МИФОПОЭТИКА РЕВОЛЮЦИИ В МАССОВОЙ ПОЭЗИИ УРАЛА 1917–1919 гг.*

В работе изучается поэзия, опубликованная в уральских периодических изданиях 1917–1919 гг. Это в основном публицистические газетные стихи, представляющие интерес с точки зрения выражения общественного мнения относительно событий революций 1917 г. и Гражданской войны на Урале. Диапазон суждений и оценок этих событий определяется не только личными и партийными пристрастиями и предпочтениями, но прежде всего коллективными представлениями, присущими массовому сознанию. Именно на этом аспекте и сосредоточивается автор статьи. Его интересуют устойчивые мотивы и образы, восходящие к коллективному бессознательному уральской общественности. Для обозначения этих погруженных в традицию универсалий используются близкие, порой пересекающиеся понятия: топос, архетип, мифологема. Они ассимилируют в себе разные ментальные сферы — политику, религию, обыденное сознание, соотносят изображение с вневременными масштабами и тем самым выводят моделирование образа революции на более высокий уровень образных обобщений. В статье исследованы отдельные образные детали и мотивы (параллели Революция — Пасха; связь с календарной обрядностью, временами года, аграрной мифологией; цветовая и световая символика), а также метасюжет революционной поэзии, который включал в себя модифицирующиеся фигуры Героя, Врага, Жертвы, изображал революцию как борьбу и трудный путь к раю (коммунизму). Автор статьи в итоге приходит к выводам, что опора на общий культурный опыт, основанный на архетипических началах, способствует глубокому и плодотворному осмыслению жизни в эпоху исторического перелома, затрагивающего интересы широких масс общественности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Революция; Гражданская война; топика; мифопоэтика; коллективные представления; массовое сознание; стереотипы; метасюжет; борьба; труд; рай; коммунизм.

Революционные потрясения 1917 г. и события Гражданской войны не могли никого оставить равнодушным, ибо так или иначе касались каждого жителя страны. Происходила грандиозная ломка общественного устройства, потребовавшая воли, энергии, решительности, мобилизации всех ресурсов и человеческих способностей для решения возникающих задач. Революция вовлекла в орбиту своего притяжения миллионы людей и всколыхнула их самосознание, что

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-14-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой половины XX в.». © Васильев И. Е., 2017

выражалось не только в действиях, поступках, а также мотивировках принятых решений, но, в частности, и в самодеятельном поэтическом творчестве. Стихи в изобилии печатались в газетах, журнальной периодике, брошюрах и листовках и свидетельствовали о появлении поэтов, выражавших широкий спектр народных мнений. Множественность этих мнений фокусировалась коллективным началом, вне которого не существовало исторических событий. Александр Блок как свидетель и участник исторического процесса чутко это подметил в дневниках 1918 г.: «Революция – это: я – не один, а мы» [Блок, с. 333]. Ему вторит исследователь Р. Скидельски, который пишет, характеризуя XX век, что «именно коллективизм определяет уникальность уходящего столетия, если сравнивать его с предшествующими эпохами» [Скидельски, с. 11].

Коллективность оказывается, таким образом, решающим условием, формирующим восприятие и оценку революции, она лежит в основе массового сознания, базирующегося, как показали работы Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, З. Фрейда, К. Г. Юнга, на архаике, импульсах бессознательного, типовых реакциях.

Важную роль в изучении массового сознания, вырастающего на почве коллективных представлений и бессознательных образов, отождествляющихся в культурологии и литературоведении с мифологемами, архетипическими мотивами и образами, играют топосы, аккумулирующие культурный опыт человечества [Булгакова, с. 46]. Топос – общее место, не требующее аргументаций и обоснования для развиваемой темы речевого сообщения. Участники коммуникации принимают его как некую аксиоматическую данность, типовую схему или формулу, в символическом пространстве которых разворачиваются мотивированные смыслы. Различия во взглядах, разные ценностные предпочтения могут варьировать эти смыслы вплоть до их полной взаимоисключаемости, но сам топос обладает устойчивостью, встроенностью в культуру, традицию, историческую память. Эрнст Курциус, характеризуя топосы, отмечал, что это «твердые клише или схемы мысли и выражения, запечатлевающие формулы, фразы, обороты, цитаты, стереотипные образы, эмблемы, унаследованные мотивы» [Курциус, с. 118]. Ср. также мнение современного автора о топосе, что это «стереотипный, клишированный образ, мотив, мысль» [Махов]. В этом плане топос – культурная универсалия, связанная с коллективным сознанием, с его тягой к ментальным конструкциям, вырастающим на основе стереотипных представлений.

Топика как совокупность топосов выстраивает семантическое поле образных конфигураций и выступает языком описания различных явлений (в нашем случае – революции как культурного феномена). В ее границах концентрируются смыслы и оценки, представления о происходящем. Но топос это не только текстовая категория, она связана с культурно-исторической реальностью, действительностью, являющейся материалом художественной рефлексии. По отношению к этой действительности возникают импресии, вписываемые в типовые представления, «национальную аксиоматику» [Панченко, с. 246]. Всё это связывает топос с пространственными координатами, делает его «местом

разворачивания смыслов», «которое может коррелировать с каким либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства...» [Прокофьева, с. 89].

Топика существенно дополняется мифопоэтикой. Исследователь Н. О. Осипова предлагает следующее толкование термина и определение круга вопросов, стоящих перед теми, кто касается мифопоэтики: «Мифопоэтика — творческая, личностная и житнетворческая система художника, основанная на художественно мотивированном обращении к традиционным мифологическим схемам, моделям, сюжетно-образным системам и поэтике мифа и обряда, в том числе и к созданию “неомифологических” текстов. Одновременно мифопоэтика представляет метод исследования таких явлений литературы, которые ориентированы на мифопоэтические модели, с целью проследить их генезис, развитие и функции в создании целостной картины мира, трансформацию традиционных образов, что позволяет исследовать широкие интертекстуальные связи» [Осипова, с. 51–52]¹.

Мифопоэтика рассматривается нами как проявление закономерностей организации художественного целого, определяемых влиянием мифологических представлений, архаических верований, архетипических образований, ибо мифология революции разворачивает свою систему мифологических мотивов, символических образов и метафор, коллективных обрядов, религиозных ритуалов и посвящений. Она отражает совокупность художественных свойств, обуславливающих состав, структуру, систему взаимосоотнесенных элементов произведения, а также отдельных его блоков и образных единств, в частности, изображенного в стихах явления революции.

Восприятие и видение топики революции, ее суммарная многоплановая трактовка и использование участниками литературно-художественного процесса — вот что представляет для нас интерес. Что несла с собой попытка уральских авторов запечатлеть и осмыслить образы времени со стороны символических обобщений, важных для коллективной жизни? Какие стороны революции и Гражданской войны как ее продолжения и в каких формах мифопоэтического осмысления привлекали их внимание?

Вести о февральских событиях в столице дошли до Урала с небольшими опозданиями: 28 февраля пришла телеграмма о том, что Государственная дума взяла власть в свои руки, а 2 марта сообщили об отречении Николая II от престола. Власти сначала было заняли осторожную позицию и какое-то время перекрывали информационные каналы, в результате чего быстро поползли всяческие слухи и возникла некоторая неопределенность, однако вскоре произошел прорыв информационной блокады и на Урале развернулись активные преобразовательные процессы. Современный историк отмечает: «При первых правдивых известиях из Петрограда все на Урале пришло в движение. Стихийная

¹ Обзор литературы по проблемам мифопоэтики см.: [Ярошенко].

энергия масс вылилась в организацию органов власти, возрождение партий, профсоюзов и других общественных организаций» [Шапошников, с. 114].

Активизация общественной жизни на Урале привела к быстрому появлению во многих городах и местечках советов рабочих и солдатских депутатов, комитетов общественной безопасности, укреплявших новую власть, поддерживавших общественный порядок (разоружалась полиция и создавалась новая правоохранительная структура — милиция, смещались и арестовывались представители прежней администрации и отпускались на волю политзаключенные). Жизнь перестраивалась на выборных, демократических началах с широким участием всех слоев населения.

Литературная общественность встретила революцию восторженно и патетически ее приветствовала, связывая с падением монархии представление о долгожданной свободе, новых возможностях для развития страны и надежды на улучшение жизни народа. Славословия революции, русскому народу, стране отливались в формы гимна: «Гимн празднику свободы» (Н. Анзоре), «Гимн новой России» (И. Н. Антонов). В стихотворении с многозначительным говорящим названием «Свершилось» автор «Народной газеты» Н. А. Грамолин пишет:

Пал старый строй России, к гибели ведущий,
Свободы светом озарилась она...
Привет тебе и счастья в грядущем,
Многострадальная страна!

[Голдин, кн. 1, с. 201]

Поэты говорили о «пробуждении» страны² и воскрешении русского народа, сравнивали происходящее с Пасхой, наполняющей воздух колокольным звоном, весенними настроениями:

Привет проснувшейся отчизне!
Да сгинут духи тьмы и зла!..
О новой, светлой, ясной жизни,
Смеясь, поют колокола!..

[Там же, с. 127]

Пасха в 1917 г. приходилась на середину апреля и в сознании граждан ассоциировалась с радостными переменами в обществе. Христианские мотивы воскрешения, спроецированные на социально-политическую ситуацию в стране, соединялись с темой возрождения Руси и образами пробуждающейся от зимней спячки природы. Мотивные ряды у одних авторов шли параллельно (природа либо фон, либо средство обнаружения процессов, происходящих в обществе):

² Мотив пробуждения от спячки имеет широкий коннотативный спектр. Для нас существен политический аспект: «В политической рефлексии свобода связывается с определенной формой активного бдения... а сон рассматривается как фокус отрицательных качеств — забывчивость, невосприимчивость, безволие, равнодушие, незащитность, молчание, ведущие к рабству» [Пензин, с. 11].

Русь свободна! Русь проснулась! Вторят лес и горы.
Русь воскресла! — повторяют всюду птичьи хоры

[Голдин, кн. 1, с. 179], —

у других намечался род иносказания и сквозь весенний природный антураж проглядывала обновляющаяся человеческая жизнь, высказывалась надежда на перемены к лучшему и вера в переход от мрачного и ненастного «вчера» к светлому грядущему:

А ныне не узнать вчерашнего ненастья;
Завесу мрака ветер разогнал —
Во взгляде каждого глаз,
В улыбке каждой счастье,
И в мартовские дни как будто май настал;
Кругом снега, а чудится ручьями
Даль пробуждения поет, зовет, шумит,
И расцветает яркими цветами,
И о грядущем светлом говорит.

[Там же, с. 162–163]

Екатеринбургский литератор В. П. Чекин, написавший это стихотворение, прославляя революцию («Да здравствует свободная Россия! / Да здравствует раскованный народ!» [Там же, с. 163]), как и многие другие, называл февральские события «светлым праздником» освобождения.

Надо сказать, праздничные настроения тогда были словно разлиты в воздухе, напоенном эйфорией желанной свободы. Время от времени устраивались шествия, демонстрации, народные гуляния, обставленные соответствующей атрибутикой, революционными плакатами. Одно из таких мероприятий описывается в Приложении «1917 год в Пермской губернии: Хроника революционных событий» к «Календарю знаменательных и памятных дат Пермского края на 2007 год» следующим образом:

10 марта — день погребения первых жертв русской революции. По распоряжению Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов день 10 марта был объявлен национальным праздником свободы и русской революции. В этот день учебные заведения и предприятия в г. Перми были закрыты, а на улицах города прошли большие демонстрации рабочих и войск местного гарнизона, звучал оркестр, у каждого манифестанта на груди был приколот красный бант³, лента или цветок [Календарь..., с. 90].

³ Исследователь эпохи революционных катаклизмов В. Булдагов отмечает, что во время Февральской революции «поразительно быстро стала возникать новая символика»: «Непременным ее атрибутом стали красные знамена и особенно банты. Красный (в прошлом красивый) цвет, вероятно, стал теперь ассоциироваться в массах с чем-то новым» [Булдагов, с. 66]. Красный цвет в рамках топике революции осознал себя как символ света, солнца, утренней зари: «Красный цвет, / Алый цвет, / Солнца восход, / Солнца свет — / Наш оплот! / Наш завет!» [Голдин, кн. 2, с. 19].

Окрыленное завоеваниями революции, население вдохновлялось достижениями европейской цивилизации, лозунгами буржуазной демократии «Свобода! Равенство! Братство!». «В равенстве, братстве, в свободе святой / Жизнь обновленного края» [Голдин, кн. 2, с. 10], — писал, например, оренбургский поэт А. Беленников. Другие уральские авторы варьировали революционные постулаты:

Но разве кровь венец всего?
И разве в ненависти — новь?
От злобы гибнут без следа
Свобода, правда и любовь
[Голдин, кн. 1, с. 44].

Замена «Равенства» и «Братства» на «Правду» и «Любовь» вполне соответствует неукротимому русскому правдоискательству и желанию избавиться от ужасов войны, насилия.

Художественное осмысление происходящего на страницах газет утверждало заслугу революции в деле разрушения господства чиновников, полиции, монархического аппарата принуждения. Все антинародные силы получали негативную характеристику и выступали в массовом восприятии как силы зла. Революционная риторика задолго до февральской буржуазно-демократической революции изобрела емкое их обозначение — «темные силы» (вспомним строчку из знаменитой «Варшавянки»: «Темные силы нас злобно гнетут»). В семантических границах этого понятия осуществлялись их уральские атрибуты 1917 г.: «злодеи» [Там же, с. 246]; «палачи» [Голдин, кн. 2, с. 30]; «Каины» [Голдин, кн. 1, с. 25]; «ядовитые змеи» [Там же, с. 34]; «вампиры» [Там же, с. 66]; «шакалы и волки» [Голдин, кн. 2, с. 20]. Эти определения принимались и «правыми», и «левыми» политиками, сторонниками и противниками тех или иных начинаний. Собирательность понятия позволяла вписывать в его смысловой объем самые разные, порой совершенно противоположные реалии (монархию, германские войска, бюрократию, буржуазию и пр.), но главное — служила задаче консолидации сочувствующих демократическим преобразованиям. Все клялись в верности русскому народу и обличали его внутренних и внешних врагов. Стремясь отождествиться с положительными силами революции, поэты использовали личное местоимение первого лица множественного числа «мы», а также притяжательное местоимение «наш», относящее человека к группе лиц, среди которых есть и говорящий: «Наше спасение — / Объединение. / Светлая жизнь впереди» [Голдин, кн. 1, с. 30–31]. Такого рода единение показывало, что идеалы революции становились общим этико-мировоззренческим камертоном общества:

Пусть на устах всех застынут проклятья,
Крепко мы руки друг другу сожмем,
В семью одну все сольемся, как братья,
И к свету дорогой свободной пойдем!

[Там же, с. 246]

Поскольку понятие демократии чем дальше, тем естественнее сопрягалось с широчайшими народными массами — прежде всего трудящимися, работа, коллективные усилия становились показателями меры и должного характера вовлеченности человека в революционные процессы. Участие в революции, которое задолго до Февральской революции получило конспирологическое наименование «рабочее дело» («Но мы поднимем гордо и смело / Знамя борьбы за рабочее дело...» («Варшавянка»)), уравнивало борьбу и труд как деятельность. Метафорой революционного дела становилась работа кузнеца, а страна изображалась гигантской кузницей:

В этой кузнице огромной,
 Что Россией мы зовем,
 Свет и волю,
 Жизнь и долю
 Смело мы теперь куем...

[Голдин, кн. 1, с. 211]

Совокупными усилиями поэтов конструировался революционный миф, в рамках которого живет и действует культурный Герой — воин и кузнец. Такой герой в соответствии с мифологическими представлениями превосходит способности рядовых людей и возвышается над природой:

Я могуч... Я весь из стали...
 С тяжким молотом в руках.
 Все невзгоды, все печали
 Я разбить сумею в прах!

[Там же, с. 89]

Молотобоец, разбивающий цепи рабства, — образ, рожденный революционным пролетарским мировосприятием, но корни его уходят в далекое прошлое, к образу бога грозы, грома и небесного огня, повергающего дракона.

Февральская революция, свергшая монархию и давшая буржуазно-демократические свободы населению, отменившая смертную казнь, вскоре стала пробуксовывать. Временное правительство со своими задачами не справлялось. Накопившиеся противоречия нарастали, социально-политические расхождения усиливались. Общество оказалось неготово к самоорганизации на новых принципах. Среди населения распространялось неверие, ожесточение и неуважение друг к другу. Стало понятно, что никакого мгновенного улучшения ситуации в стране не предвидится, ибо все слишком запущено, погрязло в рутине и безнадежности. Поэты без устали констатируют беспорядок, всеобщий развал и разрыв в экономике и в человеческих взаимоотношениях:

Землю крепко опутал разврат,
 Ядовитые ползают змеи...

[Там же, с. 34]

Словно язвы, открылась нужда,
Бесконечные голод и слезы
И безжалостно свергла вражда
Молодые волшебные грезы.

[Голдин, кн. 1, с. 34]

Ползет зловещих туч гроза,
Анархия, погром...
Что день — беду родит беда
И ставит жизнь вверх дном.

[Там же, с. 165]

Первоначально широко распространенные экзальтации сменяются сокрушениями и вздохами сожаления:

Нет, враг не пал! Еще сильны
Инстинкты варварства в народе.
Подонки общества сильны
Своею дикостью в свободе.

[Там же, с. 31]

У многих опустились руки. Чувство разочарования передавалось впечатлениями блуждания человека, сбившегося с пути, как в аллегорическом стихотворении «Заблудились» автора курганской «Народной газеты»:

Снова непогоды,
Бездорожица.
Снова ищем мы
Пути торные.

[Там же]

В других случаях очевиден публицистический акцент:

Сбились мы, что делать нам?
Мчатся тучи, вьются тучи,
Жизнь душна, грязна. Темна.
Преступлений, злобы тучи,
Торжествует Сатана.

[Там же, с. 166]

Стали множиться те трактовки революционного мифа, которые связывали переход к новой жизни с сопротивлением врагов революции, со страданием и жертвами, возрождающей гибелью:

Еще прольется кровь! Без боя не уступит
Безумный хищный враг плененных им свобод...
Ценою новых жертв, ценою жестокой купит
Священные права воскреснувший народ!

[Голдин, кн. 2, с. 145]

Смерть героев революции воспринималась как сакральная жертва, благодаря которой возможно возрождение страны: «Пусть хоть на наших могилах / Новая жизнь расцветет» [Голдин, кн. 2, с. 76]. Мотив смерти оказывается связанным с аграрной мифологией, в которой брошенное в землю зерно дает всходы хлеба. Такова подоплека архаического сюжета об умирающем и оживающем боге. В стихотворении В. Илякова «Песня революционеров» муки и страдания борцов за народное счастье уподобляются распятию и воскрешению Христа: «Мы с крестом на Голгофу тащились. / Нас терновый кустарник колол...», «И воскреснет народное царство, / И на нем будет правды венец» [Голдин, кн. 1, с. 81].

В реальном социополитическом пространстве России и Урала продолжали развиваться негативные изменения: без каких-либо успехов длилась непопулярная война с Германией, из-за чего откладывалось решение проблем с крестьянством, с землей, постепенно терялось доверие масс к существующей власти и падение ее авторитета, обострилась борьба политических партий и усилилась их гонка за лидерством. На первые позиции постепенно стали выходить большевики, критиковавшие Временное правительство и выдвигавшие простые, понятные массам лозунги и обещания. Их ряды активно пополнялись, росло влияние в самых массовых общественных организациях — советах. Постепенно большевики стали заметной силой в борьбе за власть и сумели успешно захватить ее в октябре 1917 г.

Октябрьский переворот отчетливо поделил мир на своих и врагов. Большевики не принимали не только монархические начала, но капитализм в целом, как эксплуататорский строй. Автор, взявший себе псевдоним Фома Кузнец, в стихотворении «Буржуй и пролетарий» с предельной простотой и ясностью выразил конфликт времени:

Ты жил во дворце, — я в подвале холодном.
Ты вечно был празден, — я вечно в труде,
Ты был пресыщенным, — я вечно голодным.
Ты в злате купался, — я в горькой нужде...

[Там же, с. 159]

Наступил час, когда обездоленные и неимущие предъявили счет благополучным и состоятельным:

Оковы распались, но годы страданья
Изранили душу и сделали злой.
Так вот почему в час великий восстанья
Я, грозен и гневен, стою пред тобой.

[Там же]

Начавшаяся вскоре Гражданская война закрепила противостояние: возникшее в 1918 г. деление на «красных» и «белых» продолжало идеологическую и политическую конфронтацию, выражающуюся через систему трафаретной образности, стандартных стилистических клише. Среди «общих мест»

революционных произведений (как у «белых», так и у «красных») — уничтожение противника с использованием сниженной лексики, уподоблений хтоническим чудовищам, зооморфных метафор («гады», «нечисть»), солярной символики (на стороне тех социальных сил, интересы которых отстаиваются, — солнце, свет, тепло; на стороне врагов — тьма, ночь, холод), природных, аграрных образных противопоставлений (смерть — жизнь; зима — весна, лето; скудость, неурожай — бурный рост, изобилие и пр.). Обе стороны утверждали, что борются за правду, отстаивают интересы народа, намерены освободить страну от ее поработителей. Обе стороны создавали идеализированный образ своих бойцов. И «белые», и «красные», приукрашивая свои достоинства, выступали патриотами, ратовали за свободу, которая могла быть достигнута лишь путем уничтожения врага.

Так, в стихах белогвардейских поэтов все, что связано с большевиками, Красной Армией, представало отталкивающим, ибо красноармейцы в восприятии защитников устоев покушались на святое — родину-мать, отчий дом, семью и близких:

...Русь охвачена борьбой.
На ее большое тело
Нож заносит сын родной.
Красным гордо он зовется,
Дик — свирепый супостат!
Кровь в стране ручьями льется,
Восстает на брата брат.

[Чернявский, с. 4]

Авторы не жалели черных красок и снижающих эпитетов, характеризую противника: бойцы Красной Армии — это шайка «воров и иной голытьбы», «отвергнув законы и право», они узурпировали власть. Фиксируется их жестокость, уродство и безумие, а также разрушительные наклонности. Особенно возмутительным представало святотатство большевиков, поругание ими религии, осквернение храмов, родных могил:

Те храмы, где жарко молились когда-то,
И мы, и отцы наши — во вражьих руках,
И грубые ноги чужого солдата
На дедовских стали костях.
Добро трудовое разбойничьи взято,
Грабеж узаконен толпою убийц,
Оплевано все, что и мило, и свято
От века для наших станиц.

[Беленинов, с. 1]

Противостоящие же злым коммунистам сторонники «белого» движения изображались благородными патриотами, «великанами», очищающими страну от проказы большевизма [Шершень, с. 3].

Временные победы над противником тут же становились предметом воспевания и славословия. Так, после освобождения Уфы от «красных» челябинский поэт Н. Арнольд пишет торжествующие стихи об этом событии:

К ногам отчизны возрожденной
Уфа склонилась...
Город пал.
И враг, позором заклеянный,
От грозной армии бежал.

[Арнольд, с. 1]

Белая армия виделась ему воплощением праведной силы и мощи, освобождающей от вражеских «уз» и «оков»:

В порыве мощного движенья
Сметает полчища врагов.
И рвутся узы заточенья,
Спадают тяжести оков.

[Там же]

Обретение свободы предстает всеобщим праздником возрождения и счастья, который сопровождается ликованием природы, потоками солнечного света:

Еще порыв, еще мгновенье,
И солнце ярче заблестит,
И светлый праздник возрожденья
Россию счастьем озарит.

[Там же]

Борьба с «красными» поддерживалась обращением к религиозной образности. Публиковались, например, молитвы с просьбами сберечь нацию, православные устои и традиции. В стихотворении С. Михеева из Перми «Святой Георгий опять в бою» использован известный сюжет о святом Георгии Победоносце, повергающем змея. Святой — на стороне «белых», силы «красных» же представляет хтоническое чудовище:

Замолкнут клики кровавых оргий,
И только будут среди полей —
Святой Георгий
И мертвый змей.

[Голдин, кн. 2, с. 98]

По мере осложнения обстановки, затягивания военных действий в условиях Гражданской войны все чаще начинает преобладать пессимистический взгляд на исход этой битвы. Смерть предстает всеильной и победительной. Никто не может спастись от ее гнева — «ни красавица-дева, ни монах, ни мужик, ни юнец, ни старик». Стихотворение Якова Пасынкова, включающее эти

строчки, является своеобразным экфрасисом, изображающим пляску Смерти с ее неизменными атрибутами (коса, скелетообразный вид, белый саван). Мотив карающей смерти отсылает к христианскому сюжету бренности и тщете земной жизни. К религии прибегал Пасынков и в тех случаях, когда в трудную для людей минуту призывал к любви и долготерпению, стойкости, верности избранному пути:

Будь герой до конца. И, страдая, любя,
За идею свою не жалея и себя:
Ведь в любви и страданье — вся жизнь. Посмотри —
Сколько гибнет людей... Никого не кори —
И умри...

[Пасынков, с. 3]

Прозаическая публицистика сочувствующих белому движению использовала те же клише и общие места в трактовке событий и обрисовке противника, что и политическая лирика. В частности, привлекалась топика контрастных времен года. Пермский публицист Б. Попов, уповая на грядущую победу своих политических единоверцев, изображал большевиков носителями осеннего морока, серости и грязи, а сторонников идей Февральской революции, противопоставляемой октябрьскому перевороту, репрезентантами весеннего обновления и солнечного света:

Преодолевая нечистую, октябрьскую хмару, серый ползучий туман осени и разрушения, нам снова светит февральское солнце ранней весны, за которым приходит могучее половодье, смывающее всю нечисть и грязь, оплодотворяющее землю для новой жизни, для светлого, неизбежного, вечного чуда воскресенья [Попов, 1919а, с. 3].

Этот патетический пассаж, в котором природная параллель с общественными процессами подпитана еще и религиозными аллюзиями (мотив воскрешения Христа), эквивалентен распространенным лирическим высказываниям.

Использовалась и революционная фразеология, понятия «темных сил», политические штампы:

Не надо переоценивать, но нельзя и недооценивать разрушительную силу того яда, который привит русскому государственному организму большевиками. Под лозунгом социал-демократии, марксизма, коммунизма со дна русской жизни подняты накопившиеся там веками темные, стихийные силы, разнузданы самые животные инстинкты широких масс [Попов, 1919б, с. 3].

У «красных» была своя мифология, в том числе и перекликающаяся с христианской. Поэты, сочувствующие большевикам, избегали религиозных экспликаций, но некоторые христианские мотивы и христианские представления невольно прокрадывались в их, казалось бы, атеистическую риторическую. Сближения возникали в результате определенной схожести религиозной веры и коммунистической идеологии: у коммунистов своя библия (Манифест

коммунистической партии), священные тексты (различные постановления, решения и протоколы заседаний), свои почитаемые святые и святыни, символы (красный стяг, звезда, портреты вождей), собственные ритуалы (партсобрания, манифестации, шествия), поклонения и пр. Коснемся только некоторых моментов этой квазирелигиозной и мифопоэтической составляющей революционного сознания.

В годы Гражданской войны большая часть поэтов, сторонников большевиков, была сосредоточена в частях Красной Армии, меняющих свою дислокацию в ходе военных действий. Красноармейская поэзия, публиковавшаяся в газетах политотделов Восточной армии, опиралась на традиции освободительного рабочего движения (в годы революции и Гражданской войны на Урале неоднократно издавались сборники подпольной поэзии [Песни революции; Песни свободы]).

Еще задолго до Революции 1917 г. сложились жанровые каноны революционной лирики, возникли распространенные сюжетные ходы и мотивы, выработались свои стилистические приемы. Метасюжет дореволюционной подпольной поэзии укладывался в следующую динамическую схему: угнетенный рабочий человек (трудящийся) рано или поздно осознаёт свою зависимость как препятствие на пути к свободе, восстанет и, преодолевая препятствие (сопротивление своих антагонистов), начнет двигаться к коммунизму — обществу благоденствия, благополучия и всеобщего равенства, справедливости и счастья.

Коммунизм в определенном смысле — проекция коллективных архаических представлений о гармонии Золотого века, христианских верований в рай. «Рай — награда за праведный образ жизни, это воплощение желаний, а желания, мечты и чаяния являются естественной, онтологической характеристикой человеческой экзистенции» [Орнатская, с. 187]. Достижение этого земного рая возможно только на путях борьбы и труда, преодоления препятствий и сопротивления тех же «темных сил» — сторонников зла, защитников эксплуататоров, врагов трудящегося человечества. Революционное насилие временная, но необходимая мера для построения коммунизма: ведь идею всеобщего равенства принимают отнюдь не все, ей сопротивляются имущие классы, интересы которых защищают белогвардейцы. Таким образом, «белые» — главная преграда к счастью и благополучию, гарантом же изменений была социалистическая революция, поэтому направленность художественных поисков и содержание поэзии «красных» определяли пропаганда коммунистических ценностей, агитация за победу большевизма.

Рассмотрим пример воплощения очерченной мифопоэтики на материале стихотворения «Коммунарам», помещенного в одном из красноармейских изданий [Дворецкий, с. 2].

Первая строфа стихотворения фиксирует момент начала борьбы, побуждения к действию:

Товарищ, руку, смело к бою.
Мы — дети все семьи одной,

Сплоченной горем и нуждою
В союз народа трудовой

[Дворецкий, с. 2]

Здесь репрезентируется групповая идентичность: «мы» — это «свои», дети единой семьи трудового народа, испытавшие лишения и невзгоды. Во второй строфе локализуется местонахождение борцов-героев между прошлым и будущим, метафорически представлен трудный процесс борьбы и оптимистическая перспектива грядущей победы:

Века борьбы, века мучений
Мы все оставим позади.
У нас нет страха, нет сомнений —
Победа наша впереди.

[Там же]

Две первые строки следующей строфы изображают прозрение участников революционной борьбы как начальную фазу преодоления препятствия и необходимое условие свершения революционного подвига: «Народ рабочий дружно, смело / оковы тяжкие разбил» («оковы» — метонимия темницы, «разбил» — синоним революционного действия). Далее говорится о продолжении борьбы с препятствием, о трудностях перехода в зону счастья и благополучия, о необходимости мобилизовать усилия: «Теперь, товарищи, за дело, / Как ни тяжел бы путь наш был» (тяжесть пути — показатель масштабов препятствия). И в последней строфе выражается уверенность в преодолении препятствия, наступлении благополучного финала, который будет беззаботным отдыхом, вечно длящимся покоем («день лучезарный» — перифрастическая номинация рая):

Уж скоро, братья, день победы,
День лучезарный настает,
И, позабыв печаль и беды,
Борец усталый отдохнет.

[Там же]

Органичность мифопоэтических импульсов, опору на ходячие представления и бессознательные реакции наглядно демонстрирует книжка-листовка «Три года Пролетарской Революции», выпущенная Пермским губернским комитетом РКП (большевиков) в 1920 г. Она освещала ход революции и Гражданской войны в свете достижений большевистской власти. Исторические события и процессы представляли в схематичном, мистифицированном виде. Мифологизация происходившего побудила авторов пропагандистской брошюры аттестовать Ленина как «друга бедняков», а о сильной «непобедимой Красной армии» и ее воине-герое говорить в напыщенном тоне: «...Наш красный воин в лаптях и рваной шинелке, но нет в мире другой армии сильнее нашей Красной! Красноармейская звезда своими огненными лучами ярко светит нашему герою, и он идет вперед

и вперед к заветной цели — оборонить Советы и добиться мира» [Три года..., с. 5]. Уничжительные детали, оттеняющие победительные свойства красного воина, органично входят в риторику революционного дискурса.

Такой же смысловой контраст присутствует в описании российского пролетариата: будучи окруженным полчищами врагов-контрреволюционеров, «высоко он взмахнул своим молотом и нанес сокрушительный удар черным ратям» [Там же]. Здесь реализуется библейское «кто унижает себя, тот возвышен будет», перерастающее в революционный лозунг «кто был ничем, тот станет всем!». В смысловую коллизию такого общего места входит и символика жертвы. Павшие в борьбе и сражениях — это герои революции, обеспечивающие своей смертью ее победу и достижение народного счастья. В пермской листовке об этом пишется следующим образом: «Вечная память павшим борцам! По трупам павших, навстречу к солнечной лучезарной Трудовой Коммуне идут трудящиеся России» [Там же, с. 8]. Выражение «идти по трупам» здесь означает, что жертвы не напрасны, что они обеспечивают грядущую победу коммунизма.

Таким образом, разные силы и участники исторических процессов 1917–1919 гг., активизируя репертуар революционной топики, прибегали к испытанным формам коммуникации и пропагандистского воздействия, используя культурные универсалии, топосы (устоявшиеся представления) и мифопоэтические образные решения.

Источники

- Арнольд Н.* Уфа // Вестн. Приуралья. 1919. № 3.
Беленинов А. Призыв // Вестн. Приуралья. 1919. № 10.
Голдин В. Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 годы : в 2 кн. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006.
Дворецкий Г. Коммунарам // Красноармейский набат. 1919. № 56. 12 марта.
Пасынков Я. Смерть // Курганская свободная мысль. 1919. № 32.
 Песни революции : сб. революционных песен и стихотворений. Вятка : журн. «Молодые порывы», 1917.
 Песни свободы. Тюмень : Тюмен. группа партии социалистов-революционеров, 1917.
Попов Б. Вехи // Свободная Пермь. 1919а. № 45.
Попов Б. Где не врачует железо... // Свободная Пермь. 1919б. № 26.
 Три года Пролетарской Революции. Пермь : Пермский губернский комитет РКП (большевиков), 1920. С. 5.
Чернявский Г. За отчизну // Голос сибиряка. 1919. № 2.
Шершень. Песня о сибирских стрелках // Сибирские стрелки. 1919. № 61.

Исследования

- Блок А.* Из записных книжек и дневников // Блок А. Собр. соч. : в 6 т. Т. 6. М. : Правда, 1971. С. 99–386.
Булгакова А. А. Топика в литературном процессе : пособие. Гродно : Изд-во Гродн. ун-та, 2008.
Булдагов В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : Рос. лит. энциклопедия, 1997.

Календарь знаменательных и памятных дат Пермского края на 2007 год / Перм. обл. универс. б-ка им. А. М. Горького, отд. краеведения ; сост. О. С. Баранова. Пермь : [б. и.], 2006.

Курциус Э. Европейские литературы и латинское Средневековье // Теоретическая поэтика: Понятия и определения : хрестоматия для студентов : в 2 т. / сост. Н. Д. Тамарченко. М. : РГГУ, 2001. Т. 1. С. 118.

Махов А. Е. Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : НПК «Интелвак», 2001. Стб. 1076.

Орнатская Л. А. О социальной функции рая // Образ рая: от мифа к утопии. СПб. : С.-Петербург. филос. о-во, 2003. (Symposium ; вып. 31). С. 186–190.

Осипова Н. О. Мифопоэтика как сфера поэтики и метод исследования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: Русский журнал. 2000. № 3. С. 46–52.

Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения / под ред. М. Б. Храпченко и др. М. : Наука, 1986. С. 236–251.

Пензин А. А. Образы сна в культуре. Анализ современных философско-антропологических концепций : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. : ИФ РАН, 2006.

Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топысы // Вестн. Омск. гос. ун-та. 2005. № 11. С. 87–94.

Скидельски Р. Дорога от рабства: Об экономических и политических последствиях краха коммунизма. М. : Ad Marginem, 1998.

Шапошников Г. Н. 1917 год: информационная война на Урале // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. № 37. (Проблемы образования, науки и культуры ; Вып. 18). С. 111–129.

Ярошенко Л. В. Неомифологизм в литературе XX века. Гродно : Изд-во Гродн. ун-та, 2002.

Статья поступила в редакцию 05.07.2017

Васильев Игорь Евгеньевич

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной
литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
ведущий научный сотрудник
сектора истории литературы
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской,
16
E-mail: igus.w@yandex.ru

Vasilyev, Igor Yevgenyevich

Dr. Hab. (Philology), Professor
Chair of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Leading Researcher,
Department of the History of Literature
Institute of History and Archaeology, Ural
Branch of RAS
16, Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
Email: igus.w@yandex.ru

THE TOPICS AND MYTHOPOETICS OF THE REVOLUTION IN THE MASS POETRY OF THE URALS BETWEEN 1917 AND 1919

This article considers poetry published in Ural periodicals between 1917 and 1919. It mainly comprises journalistic newspaper verses that are of interest from the point of view of how they reflect public opinion about the events of the 1917 revolutions and the Civil War in the Urals. The range of judgments and assessments of the events in question is determined not only by personal and political preferences, but primarily by the collective notions that are characteristic of mass consciousness. The author

of the article concentrates on this aspect. He is interested in stable motifs and images that go back to the collective unconscious of the Ural public. To designate these universals immersed in tradition, he sometimes employs overlapping concepts: topos, archetype, and mythologeme. They assimilate various mental spheres – politics, religion, everyday consciousness, and establish a correlation of an image with timeless scales and thereby take the modeling of that image of the revolution to a higher level of figurative generalisations. The article examines individual figural details and motifs (parallels Revolution – Easter, connections with calendar rituals, seasons, agrarian mythology, colour and light symbols), as well as the meta-story of revolutionary poetry that included the modifying figures of the Hero, Enemy, Victim, depicted Revolution as a struggle and a difficult path to paradise (communism). As a result, the author of the article comes to the conclusion that reliance on common cultural experience based on archetypal principles promotes a profound and fruitful comprehension of life in the era of a historical crisis affecting the interests of the general public.

Key words: Revolution; Civil war; topic; mythopoetics; collective representations; mass consciousness; stereotypes; metaplot; struggle; work; paradise; communism.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for Basic Research*, project 16-14-00118 “Between Literature and Fact: Languages of Self-description in the Periodicals of the Urals and Northern Priuralye from the 19th to the First Half of the 20th Centuries”.

Baranova, O. S. (Comp.). (2006). *Kalendar znamenatelnyh i pamjatnyh dat Permskogo kraia na 2007 god* [Calendar of Significant and Memorable Dates of Perm Region for 2007]. Perm: [s. n.]. (In Russian)

Blok, A. (1971). Iz zapisnyh knizhek i dnevnikov [From Notebooks and Diaries]. In A. Blok, *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (Vol. 1–6). (Vol. 6, pp. 99–386). Moscow: Pravda. (In Russian)

Bulgakova, A. A. (2008). *Topika v literaturnom prozesse: posobie* [Topics in the Literary Process: Handbook]. Grodno: Grodno University Press. (In Russian)

Buldagov, V. (1997). *Krasnaia smuta. Priroda i posledstviia revoliucionnogo nasiliia* [The Red Troubles. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow: Rossiiskaja politicheskaia enciklopediya. (In Russian)

Kurtcius, E. (2001). Evropeiskie literatury i latinskoe Srednevekovie [European Literature and the Latin Middle Ages]. In N. D. Tamarchenko (Ed.), *Teoreticheskaya poetika: Ponyatiya i opredeleniya: hrestomatiya dlia studentov* [Theoretical Poetics: Concepts and Definitions: Reader for Students] (Vol. 1–2). (Vol. 1, p. 118). Moscow: RGGU. (In Russian)

Makhov, A. (2001). Topos. In A. N. Nikolyukina (Ed.), *Literaturnaya enciklopediya terminov i poniatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts] (p. 1076). Moscow: NPK Intelwak. (In Russian)

Ornatskaya, L. A. (2003). O sozionalnoi funkzii raia [On the Social Function of Paradise]. In *Obraz raya: ot mifa k utopii* [The Image of Paradise: from Myth to Utopia]. *Symposium*, 31, 186–190. St Petersburg: St Petersburg Philosophic Society. (In Russian)

Osipova, N. O. (2000). Mifopoetika kak sfera poetiki i metod issledovaniya [Mythopoetics as a Sphere of Poetics and Research Method]. *Sotsyialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 7. Literaturovedenie: Russkij zhurnal*, 3, 46–52. (In Russian)

Panchenko, A. M. (1986). Topika i kulturnaia distantciya [Topics and Cultural Distance]. In M. B. Khrapchenko (Ed.), *Istoricheskaia poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical Poetics. Results and Prospects of the Study] (pp. 236–251). Moscow: Nauka. (In Russian)

Penzin, A. A. (2006) *Obrazy sna v kulture. Analiz sovremennykh filosofsko-antropologicheskikh konzeptiy* [The Images of Sleeping in a Culture. The Analysis of Contemporary Philosophic-Anthropological Conceptions] (doctoral dissertation). Moscow: IF RAN. (In Russian)

Prokofieva, V. Yu. (2005). *Kategoriya prostranstvo v hudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy* [The Category of Space in Artistic Refraction: Loci and Topoi]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11, 87–94. (In Russian)

Shaposhnikov, G. N. (2005). 1917 god: informatsionnaya voyna na Urale [1917: Information War in the Urals]. *Izvestiia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, 37 (*Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, 18), 111–129. (In Russian)

Skidelsky, R. (1998). *Doroga ot rabstva: Ob ekonomicheskikh i politicheskikh posledstviyakh krakha kommunizma* [Road from Slavery: On the Economic and Political Consequences of the Collapse of Communism]. Moscow: Ad Marginem. (In Russian)

Yaroshenko, L. V. (2002). *Neomifologizm v literature XX veka* [Neomythologism in the Literature of the 20th Century]. Grodno: Grodno University Press. (In Russian)

Received on 5 July, 2017